

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

ББК 81.411.2-5

УДК 811.161.1'373

Н. В. Патроева¹

Петрозаводский государственный университет

nvpatr@list.ru

«ПЕТРОЗАВОДСКИЕ СЕВЕРНЫЕ ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ...» Т. В. БАЛАНДИНА В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ О «СТАРОМ» И «НОВОМ СЛОГЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА»

Тихон Васильевич Баландин (ок. 1748–1830) – карельский писатель-краевед, автор сочинений об истории Петрозаводска, Олонца, дворцов Петра I на Петровском заводе и в Марциальных водах, стихотворений в честь Г. Р. Державина, житийной повести о святом Фаддее Петрозаводском и других произведений. В статье рассматриваются некоторые особенности речевой и стилистической манеры Т. В. Баландина, отраженные в его сочинении «Петрозаводские северные вечерние беседы...» (1814 г.). Новизна и актуальность исследования обусловлены отсутствием специальных работ, посвященных слогу отечественной исторической прозы эпохи становления стилистических и грамматических норм современного русского литературного языка. «Петрозаводские северные вечерние беседы...» отражают влияние официально-делового стиля на язык исторической литературы, а также слога М. В. Ломоносова. В ходе анализа речевой ткани баландинского текста используются описательный, сопоставительный, индуктивный методы исследования.

Сочинение Т. В. Баландина демонстрирует чрезвычайную усложненность синтаксического строения, в изобилии употребляемые громоздкие конструкции, ведомственные термины, традиционно-книжные архаичные канцелярские слова и выражения, далекие от той живой народной речи, грамматические и лексические старославянизмы, синтаксические галлицизмы (например, абсолютные обособленные

---

¹ Патроева Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия.

причастные и деепричастные обороты), латинизмы, неустойчивость орфографических и пунктуационных норм, отсутствие их строгой кодифицированности. «Петрозаводские северные вечерние беседы...» свидетельствуют о важности изучения процессов становления русской исторической прозы, слога провинциальных писателей-краеведов для расширения научных представлений о тенденциях, протекавших в недрах речевой системы пушкинской эпохи, о сложном пути выработки единых норм общелитературного языка в рамках различных его жанрово-стилистических разновидностей.

Ключевые слова: стиль исторической прозы, история русского литературного языка, галлицизм, старославянизм, краеведение, грамматическая норма, орфографическая норма

*На величественных берегах моря Варяжского, там,
где вечно юные сосны смотрятся в струи Невы крохкие,
в отдалении от пышного града Петрова и вечного грохота,
по стонам его звучащего, при склонении солнца багряного
с неба светлого в волны румяные, часто люблю я наслаждаться
красотой земли и неба великолетием, склоняясь под тень дерев
высоких и обращая в мыслях времена протекшие*
(В. Т. Нарезный. Славенские вечера).

«Петрозаводские северные вечерние беседы повествовавших старцев о первоначальном открытии местоположения и на оном о построении, существовании, продолжении и о уничтожении вододействуемых Петровских пушечных заводов и оружейных фабрик, и с населением из разных мест крестьян, выведенных со следующими к тому дополнениями, и о построенных вновь Александровских пушечных заводов, и о пр[очем] с принадлежащими замечаниями»¹ – столь пространно изложенное название «творения шихтмейстера Тихона Васильева», которое, как сообщает автор, «писано в Петрозаводске 1814 года», современному читателю может показаться уже непривычно длинным, излишне многословным, однако именно такой тип заглавий, вбирающих в себя описание того, о чем будет далее рассказано, являлся обычным для художественной, публицистической, деловой либо научной литературы рубежа XVIII–XIX в. Отметим очевидную переключку заглавия баландинского произведения, причудливо соединяющего пространственные и временные атрибуты, с ломоносовским «Вечерним размышлением о Божием величестве

---

¹ Здесь и далее текст цит. по изданию [1].

Н. В. Патрова

при случае великого северного сияния», и с циклом рассказов В. Т. Нарезного «Славенские вечера» 1809 г., который вполне мог быть знаком карельскому любителю отечественной словесности, и с наименованием созданного в 1811 г. и возглавлявшегося А. С. Шишковым кружка русских писателей-«архаистов» «Беседа любителей русского слова», но само изобретенное Т. В. Баландиным заглавие оригинально с точки зрения стержневого компонента «беседы», до этого специально в функции заглавия не использовавшегося¹.

Уже с первых строк внимание заинтересованного читателя «Бесед» привлекает причудливое сочетание в речевой манере автора традиций старорусской житийной литературы, и «чувствительности» тона сентименталистской художественной прозы, и торжественности изложения исторических сочинений, и, напротив, суховатого слога канцелярских документов.

Обилие в баландинских «беседах» причастий и отвлеченных имен существительных с процессуальным и качественным значением, прилагательных, в том числе в формах сравнительной и превосходной степени, нередко двукорневых, извлеченных из церковнославянских источников и подобных древнегреческим атрибутам, в больших по объему фразах свидетельствует о тяготении автора к традициям так называемого «старого» слога сторонников А. С. Шишкова и его последователей, а кроме того, стилю «плетения словес», период расцвета которого пришелся на XIV–XVI вв. (например: *«тогда побудительной мой дух из горячайшаго желания и любопытства по таковой важнейшей интересной материи вовлек меня всеохотно, яко в плодоносный, благоуханный, прекрасный вертоград, и потому с отроческою невинною ласковостию и гибкостию просить помянутых заседающих повечерно в доме у отца моего простодушных и седилами украшенных старцов, дабы они упоминаемыми, самовидными, свидетельствуемыми и изъустно преданными вышеобъявленными беседами удовлетворили удовольствовать всежелательной дух мой, приверженной к древности, к написанию того их повествования на всегдашнее воспоминание дражайшаго посетителя нашея страны – великаго монарха и истребившихся Петровских заводов и фабрик»;*

---

¹ Сочинение А. Н. Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества» и опубликовавший его масонский журнал «Беседующий гражданин», вышедший в свет в Санкт-Петербурге» в течение 1789 г. и закрытый по причине публикации этой статьи, едва ли могли быть известны Т. В. Баландину.

На наш взгляд примечательно, что полтора века спустя после завершения Баландиным своего труда, Ю. М. Лотман назовет цикл очерков, посвященных отечественной культуре XVIII–начала XIX в., «Беседы о русской культуре».

«И подобно яко орла, парящаго в разные годы и времена, как на плавающих по разным морям, озерам и рекам на составленных в разных флотах караблях, фрегатах, брандерах, галерах и прочей морской флотилии судах, и горными, яко лев, повсюдно обтекающими, непроходимыми по горам, дубравам, дебрям, болотам и пропастям земным и по равнинам, устилающими путями, неутомимыми и деятельными, благоуспешными, интересными и победоносными маршами»).

Рядом с контекстами, свидетельствующими о следовании автора общей тональности современной ему сентименталистской прозы (по выражению самого Т. В. Баландина, «с живыми и трогательными чувствованиями») карамзинской эпохи ¹ (златовидное и лучами освещающее солнце»; помавающий легкий, благовозвезаемый, прохладительный зефир; кристаловидное в спокойной тишине, с плавающими и играющими птицами и рыбами, величественною обширное с островами и заливами озеро Онего; река быстротекущая, излучистая и изливающая стремительных журчащим по неизчислимым камням вод блестящая, рассыпающаяся струи; дубравы, зеленеющиеся благолиственными ветвями; луга, озаренные многоразличными укра[ша]ющими цветами и травами, издающая благовонная и балзамическая благоухания; и т. п.), рядом с душевными размышлениями автора, насыщенными эмоционально-оценочными эпитетами, сравнениями, идеализирующими героев повествования («твердый, яко из камня созижденный оплот, щит победы»; «кровожаждающий враг и лев, в окружении приверженцев своих, злодышущих на Россию, во изумлении своем потряхивает высоковоино и гордо устремленную кудрявою главою, озираясь всюду грозными глазами и ужасным видом, разширяет никогда не смыкающейся алчный и похищающий широкий зев на пожрание невинных жертв; ревит со скрежетом всеедских зубов на поглощение России...»; «вышел из храма, яко из эдема»; «Потом при гласах и восклицаниях благословляющих полетел, аки орел пернатый, и скрылся от очей погруженных в слезы и в сетование несносной печали, как мирный небесный ангел» и др.), с «интимизирующими» и нацеленными на установление доверительного контакта с читателем личными и притяжательными местоимениями, субъективно-модальными вводными или вставными конструкциями (например: «Удивленные старцы моим к ним учтивым предложением приняли все оное

---

¹ Изучение системных, в том числе интертекстуальных, связей в континууме русской и мировой литературы – один из активно развивающихся методологических подходов в современной филологии – см. подробнее, напр. [11].

Н. В. Патрова

со старческой улыбкою и одобрением за знак удовольствия, почему при всяком вечере продолжаемых бесед удостоивали меня охотно прелюбезными души и сердцу моему повествованиями своими (но не означая при том, в какие годы что случилось и происходило, по причине их незнания грамоты и простодушия, обитаемого в них, в союзе мирной любви и согласия)...»; «к неопisanному сожалению и неоплаканному рыданию всей России»; «к неизреченной и велией радости главноначальствующаго» и др.), находим лексико-грамматические приметы делового письма, служебной записки – того «приказного», официального стиля, которым Т. В. Баландин постоянно пользовался во время службы копиистом в петрозаводской Адмиралтейской коллегии и инженером на Олонецких заводах ¹ («Где потребно было, дополнял по материи в тетратках моего описания. И, по случаю приготовления моего в следующий путь, вложил помянутыя труда моего тетратки к прочим книжкам и бумагам в ящик для охранения с намерением, чтоб по последующем позволенном будущем удобном времени вывести из оных подлежащее, как выше означено, описанию»; «...изволил повелеть, чтобы к умножению и укомпле[к]тованию полков для составления армии и морских сил собрать в России из разнаго сословия храбрых воинов. Почему в таковыя последовавшия наборы набраны были, между прочими, Новгородской губернии из Олонцакаго обширнаго уезда рекруты. И по приводе их к настоящим командам помещены в разныя полки и во флот, яко сродных к мореплаванию. Где оныя будучи, по новости заводимаго, по образу европейскому, спасительнаго регулярнаго войска, и воинской готовности, и исправной дисциплины, приведены были обучением в строгий воинский подлежащий порядок...»); «Где будучи, по бывшем торговом обращении, вступил в военную флотскую службу с производством потом в приказное звание. Но по приключившейся гипохондрии за употребляемыми докторскими врачеваниями по невыпользованию болезней, к крайнему моему нещастию, был уволен от службы. А после сего, быв по обещаниям в разных обителях, получил пользу в поправлении здоровья, паки возвратился в Санкт-Петербург к занятию посильных должностей»; «По исполнении чего, в силу данных от его царскаго величества указа и наставлений, представить все то содеянное, по званию каждаго чиновника и деловцов, трудившись по званиям их должностей, его высочайшей особе, с описанием, планами, рисунками и чертежами на благовозрение, к дальнейшему из того по намерениям его содеянию

---

¹ О биографии Т. В. Баландина см.: [6]; см. также: [10], [7], [8], [9].

к пользам государственным и в поправление врагов» и др.) – со свойственными деловому стилю словами-штампами и оборотами («при каковой производимой моей деятельности», «места, на коих доселе действовали упоминаемая заводы и фабрики», «как выше означено», «за сим», «каковой», «коих», «оный», «равно же», «а имяно», «яко то», «по последующем времени», «которой по переведении причислен» и т. п.), очень далеким от естественного, свойственного живой устной речи порядком расположения элементов высказывания, а также множеством терминов – ярким свидетельством многолетнего авторского опыта в инженерной области («ковкою железа, якорей и преискусным художеством, токарным, резным и плотническим занятием»; «имеют дутья печки, выплавливают чугуна, которой в состоящих их кузницах делают железо, а из онаго уклад»; «изъследованию рудоизбыточествующих рудокопных мест»; «испытание по металлургии»; «множество лесов: мачтовых, строевых, дровянных — на зъжение руды и уголья и на прочия, по роду раз[н]осортных дерев»; «соружить, в общем смысле, огромныя заводы, яко то: домну о четырех печах, свирильну, молотовую, кузницы, лаба[ра]торию, канцелярию, кладовыя, мозазины, анбары, сараи и пороховую подземную кладовую. У устья же реки, при Онеге озере — гавань или пристань для мореходных судов к привозу провианта, провизии и материалов и отвозу воинских орудий, снарядов и прочаго»; «назначенным крестьянам работать, а имяно: рубить стоящий строевой, сосновой, еловой лес и бревна оныя посортно убирать в штабели; березовой же годной к делу, такъже и ильмовой хранить особо; разнаго сорту дрова класть в костры; разный же хворост, по уборки в кучи, съжечь; камни разной величины, бугры, косогоры и землю очистить и разравнять по ватерпасу»; «флотах караблях, фрегатах, брандерах, галерах» и т. д.).

Обильно представлены в баландинских «беседах» библеизмы и иная лексика из церковного обихода, что неудивительно для умонастроения и слога человека истово верующего, совершавшего неоднократно паломничества по святым местам земли русской, а также Украины и Польши (например: «Его первое веселие было дом Господень, в котором не слушатель токмо предстоял божественной службе, но сам начальник умножал внимание и благоговение предстоящих своим монаршим гласом и вне государева места с простыми певцами наряду стоял пред Богом. А чтение Апостола посреди церкви обыкновенное было его дело при всякой литургии»; «...состоящую в древнем виде и въкусе с[вятых] первоверховных апостолов Петра и Павла церковь...»; «призвав в помощь

Н. В. Патрова

всedeйствующаго Бога, устремил мой пламенеющеййся дух и мысли...»; «в достодолжную и безсмертную славу и в вечное воспоминание великому и в Бозе достоблаженно успиему и на лоне Авраамле опочивающему...»; «спасительному от всевышняго Божияго промысла, влиянному в монаршее и озарившее небесною благодатию сердце»; «...увидите проистекающее, при помощи Всевышняго и благословляющаго Бога, для России достославное благополучие...»; «...въначале иерей с причтом отъслужил с водоосвящением всех благ подателю Богу о здравии и спасении всепресветлейшаго и самодержавнейшаго царя государя и всего всеавгустейшаго дому, и за всех православных христиан, и на благоуспешное строение заводов и пр[очаго] благодарственный молебен. Потом обойдя с животворящим крестом все назначенныя под строение места с окроплением святою водою, потом прочитав на строение молитву, по окончании велегласно рек: “Бог благословит! Начинайте! Совершайте! И окончатие в благополучное состояние России, в страх, трепет и побеждение врагов!”» и т. п.). Очевидно, стилевые симпатии автора «Бесед» были на стороне церковнославянской языковой стихии, хорошо известной Баландину по Св. Писанию, древней духовной литературе, от переложения которой с греческого «на Славенский язык, приобрел сей обилие, важность, силу, краткость в изображении мыслей, удобность к сложению слов, и другия красоты языка Греческаго... Язык Российский, имея незыблемым основанием язык Славенский, посредством книг священных и церковных, сохранил то же преимущество» [12, 7–8]. Пышная панегирическая манера «Извития словес» могла быть знакома Т. В. Баландину и по таким памятникам церковной литературы XV–XVI вв., как «Житие Стефана Пермского» или «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго», а также по особо интересовавшим Баландина произведениям на историческую тему, с их традиционно возвышенным и «украшенным», славянизированным языком.

Характеристики, даваемые Петру Первому и его достославным деяниям, их торжественный слог очень напоминают своими стилистическими особенностями строки ломоносовских исторических произведений¹, похвальных од и «Петриды»: *«По несоблюдениям*

---

¹ Ср., например в ломоносовской <Древней Российской истории>: «Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастья своем перемены, что ежели кто междуособные отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул... Толикие перемены в деаниях российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом

в Европе и Азии владеющими державами постановленных постоянных вечных мирных трактатов, а потому происходящих и продолжающихся, во истребление рода человеческого, кровопролитных, ужасных и смертоносных браней; а паче наносимых от соседственной непримиримой, злодышущей, враждебной Швеции с мирносною Россиею войны, – предъпринял премудрый, Богом избранный и увенчанный, прозорливый и дальновидный, неутомимый и неустрашимый монарх Петр Великий: к состоящему его малочисленному войску, наборами умножить, дополнить и устроить из россиан и иностранцев в оборонительное благосостояние и в могущественное величество славы державы его, и в наступательной разительной страх и трепет окружающих иноплеменных врагов его, по образу европейскому, на суше и морях регулярное, к победоносным браням воинское ополчение, со устройением флота и вододействуемых пушечных заводов, оружейных и прочих фабрик – со многими заведениями – в пользу, славу, и обогащение, и благосостояние великой России»; «В каком-то уже бранноносном состоянии и ополчении приверженныя новобранья обученныя солдаты и матросы <...> доказали с благословляющею, всесильною, непобедимою помощию всевышняго Господа сил в продолжение повсюдной войны, с неустрашимую и свойственную сынам российским храбростию, мужеством и геройством, под предводительством и руководством всероссийскаго мудраго, прозорливаго, дальновиднаго и непобедимаго гения, великаго монарха Петра Перваго, и его неподражаемых, примером подражающих, верных, немздоимных, крепких, мужественных, храбрых и отважных военачальников, полководцов и чиновников, выдержанными, поражающими и в конец истребляющими врагов достославными и во вселенной гремящими, достодивными и достопамятными победами, увенчавшими главы их лаврами безъсмертной славы!» и др. Образ царя-преобразователя вполне соответствовал духу не только, несомненно, знакомых Т. В. Баландину произведений Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, посвященных Петру I, но и народным сказаниям

несогласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначальство и приобщение сильных народов на востоке и на западе рассуждая, порядок оных способен течению великия реки представляю, которая, от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но, паки соединяясь в одни бреги, вящую быстрину и великость приобретает; потом присовокупив в себя иные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы» [4, 211].

о царе-труженике, противостоящим легендам о «подменном царе» и «царе-антихристе», ходившим в чуждой Баландину старообрядческой среде.

Согласно риторическим и грамматическим сочинениям Ломоносова и позднего Третьяковского, «...славянизация языка признается неперменным атрибутом высоких, серьезных жанров» [14, 164]. Слог «Петрозаводских северных вечерних бесед...», несомненно, тяготеет к стилю, характерному для «высоких» жанров (од, похвальных слов, героических поэм, гражданской и церковной прозаической риторики), поскольку повествование писателя-краеведа Т. В. Баландина, автора торжественной оды и поэмы, посвящено важным для истории отечества событиям, связанным с петровскими преобразованиями, основанием промышленных предприятий и родного для автора «бесед» города. Приметами этого «высокого штиля» служат:

– лексические и словообразовательные старославянизмы: *благоустроенных, благотворениями, благововетию, богохранимый, благодарениями, благовозвеаемый, благолиственными ветвями, благовонныя благоухания, благорасположен, благословенную, благосостояние, благословляющею, благоразсудительнаго суждения, благоуханный, всесильною, гласом, вечерей, плодоносный, прекрасный вертоград, премудрый, превосходныя, пребыванию, прелюбезными, простодушия, достославный, достоблаженно, достодивными, достопамятными, толико, вседействующего, младости, средовечии, добродетелию, браней, паче, враждебной, мироносною, высоковоинных, чаянием, дабы не совратится с настоящей стези, аки исполин, въсходствие, елень, езеро и др.;*

– морфологические старославянизмы: формы сравнительной и превосходной степени (*святейшей, горячайшаго, дражайшаго, приятнейшем, высочайшим* и мн. др.), формы имен существительных и прилагательных с особыми падежными окончаниями (*отроческою невинною ласковостию и гибкостию, пологистыя дуга, высокия холмы* и др.), многочисленные причастия: *«Потом уже как по описанным, в натуре состоящим, некоторым видимым свидетельствуемым доказательствам, а притом и по описанным по повествованию почтенных старцев тетрадкам, преступил ревностно по въступлении в горную заводскую службу, будучи без школьных наук, к написанию с некоторыми дополнениями и замечаниями следующих вечерей. Но не для издания или молчанием оставить вышеозначенное описание помянутых вечерей для преследуемой повсюдной и за всеми неизбежной безобразной критики вседких пожирающих проклятых зубов, а единственно, не опасаясь и не страшась оных Зоилов, устремился из побужденнаго прежде в отроческих летах и ныне, и всегда*

продолжающагося, пламенеющагося духа и горячайшей любви моей вывести к открытию под спудом доселе лежащей и под мрачною тению забвенной приятной древности в доказательную ясность и сведение в общую пользу»;

– синтаксические архаизмы, в том числе распространившиеся в книжно-письменных текстах в качестве галлицизмов, но нередко встречающиеся и в русской разговорной речи так называемых «абсолютные» деепричастные обороты («...представить все то содеянное, по званию каждаго чиновника и деловцов, трудившись по званиям их должностей...»), в которых субъекты спрягаемой и неспрягаемой глагольных форм разные, так что действие глагола-сказуемого относится к подлежащему, но действие, выраженное деепричастием, принадлежит иному деятелю; также встречаются обособленные обороты, включающие в свой состав подлежащее и постепенно выходявшие из употребления в первые десятилетия XIX в. («Но приобьихши и привыкшия мы, поселяне, к разным работам и трудам, удобно сносим иногда и непомерныя тягости...»); «И будучи монарх в сей радости и удовольствии, окруженный благовествованием о щастливом и благополучном действии заводов, в триумфе своего восхищения, с предстоящими велможами и з[осподами] чиновниками, всеискренно благословляя и благодарил вся строящаго на пользу Господа сил, и дарующаго ему и всей России из сих новозаведенных в северных странах заводов, к бранным ополчениям, победоносныя оружия на поражение, истребление всех воюющих против России неприятелей и врагов»), деепричастия, выступающие в качестве самостоятельных сказуемых-предикатов – явление, которое могло быть поддержано в речи Т. В. Баландина и диалектным влиянием, поскольку сказуемые-деепричастия – характерная синтаксическая особенность северных русских говоров¹ («Наконец, пробудившись з занятием по предметам его въображаемым и побеждаемым геройским духом, жертвуемым достохвально патриотизмом, к достижению по намерениям его щастливых успехов ко усовершенствованию предъприятых намерений к отечественной славы и ползы России, окончить с деятельностью щастливо»; «И по взятии отдохновения пустились шествием, и обойдя въкруг упоминаемаго озера, и испытав глубину онаго со обмером»; «Чрез что добравшись до назначенных селений, осмотрев при собрании крестьян как оныя, равно состоящие сырдутныя печи, кузнецы,

---

¹ Вероятно, и само заглавие сочинения в сознании Т. В. Баландина ассоциировалось с родным для него северно-русским диалектизмом «беседа», обозначающим «собрание общества людей», «вечернее собрание» [13, 68].

Н. В. Патроева

работу и изъготовленные из руд чугуны, железо, сталь и в разных местах упоминаемые рудники, со взятъем из всего ими осмотреннаго, найденнаго и освидетельствованнаго в металлическом деле и не в деле довольных проб»; «И шествуя по возвышенным от природы холмам и пригоркам, с примечаниями, и дошед с таковым наблюдением, предприимлемым к построению вододействуемых заводов, до такого от природы удутченнаго и приспособленнаго, обретающагося вънизу холмов, плосковиднаго и рекою протекающаго преудобнаго места, где он остановился в глубоком размышлении, по принятой и влекущей материи увенчать, при неоцененном открытом Божиим благоволением дар, подвиг к славе и пользе отечества»; и др.).

Традиции XVIII века проявляют себя в построении длинных периодов, усложненных многочисленными обособленными оборотами, содержащих устаревшие союзы и союзные слова, а также в самом порядке следования компонентов баландинской фразы, например, в расположении личных и причастных форм глаголов, занимающих последнее место в предложении (согласно латино-немецким синтаксическим образцам, распространенным в произведениях русских писателей классицистической эпохи), в отрыве управляемых и согласуемых членов предложения от управляющих и определяемых слов, многочисленных инверсиях, делающих порядок компонентов высказывания часто «темным», сложным для восприятия и потому требующим от читателя неторопливого, вдумчивого чтения: *«В доказательство чего прилагаю при сем снятой мною как по прежде бывшим и в живой моей еще памяти содержимым видам, равно и поныне еще имеющимся, едва по примечаниям в видимых остатках знакам план, не кистию, но пером начерченный»; «Восхищенный великий монарх благословляющим и одаряющим Всевышним промыслом к предшествующим, настоящим и будущим, к безсмертной славы и вечной памяти, к великоважным его проницаемым намерениям и делам, в преображение могущественной его державы, в непреодолимую крепость сил, в страх и победами во истребление врагов, к благоцветущему состоянию богоспасаемой России, немедленно высочайшею своею особою с прилежным вниманием и благоразсуждением всещательно рассмотрел поднесенныя его величеству, при подробнейшем и яснейшем описании, сочиненныя достаточныя и правильныя чертежи и планы, которыя, с некоторым своим дополнением, в точной силе их означения и содержания [утвердил], так чтобы непременно построить в сходственность по планам и наставлениям предписанным те упоминаемыя вододействуемыя заводы со всем к оным принадлежащим строением»;*

«Обошед оныя всюду со вниманием и любопытством и виде ужасныя взору и сердцам их огнедышущыя, с курением извивающагося и по воздуху разливающагося дыма, доменная печи, отливаемые снаряды, ковку железа, работу строений и приготовления материалов и прочаго, удивясь с восхищенною молитвою к Богу и с живою усердною благодарностию великому монарху за толикое соружение и строение заводов и прочаго, в ограждение к безопасному житию оных от выпадающих, по смежности границ шведских, полчищ их и к поражению оных неугомонных врагов» и др. многочисленные примеры. Чрезвычайная усложненность синтаксического строения текста, в изобилии употребляемые громоздкие конструкции, ведомственные термины, традиционно-книжные архаичные канцелярские слова и выражения, далекие от той живой народной речи, на которой говорили в доме Баландиных и хозяева, и их уважаемые гости-«старцы», рассказывавшие о славных петровских временах, делают слог «Петрозаводских северных вечерних бесед...» «витиеватым», в терминах ломоносовской «Риторики», и даже несколько перегруженным фразовыми «украшениями», местами запутанным, непрозрачным по смыслу, тяжеловесным, однако речевой консерватизм, архаичность баландинской речевой манеры как нельзя лучше соответствует основным чертам русского литературного языка изображаемой в произведении петровской эпохи: в то время определяющим тенденции развития языка в целом и потому важнейшим для его системы был именно официально-деловой стиль. К тому же, Т. В. Баландин формировался как писатель в ту пору, когда «в области прозы нормы литературного выражения были еще очень зыбки и неопределенны» [2, 182], поскольку центральное место в системе средств литературного выражения занимала стихотворная речь, так что прозаическим жанрам был по-прежнему свойственен стилистический разнобой, эклектизм, усвоенная под влиянием старославянских и латино-немецких образцов архаика, тяжеловесность построения, препятствующая легкости и изяществу выражения. Синтаксис литературного русского языка был к началу XIX столетия очень слабо регламентирован¹: особенности построения периода,

---

¹ Столь же слабо регламентированной, кстати сказать, оставалась вплоть до последней четверти XIX столетия и русская орфография: хотя в филологических трудах В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова предпринимались попытки упорядочения норм в области написания слов и постановки пунктуационных знаков, теоретического обоснования орфографических принципов, однако реальное воздействие на орфографическую практику и методику обучения правописанию уже более века спустя оказали работы Я. К. Грота, явившиеся первым систематизированным сводом орфографических законов русского языка, – монография «Спорные вопросы русского

употребления причастных оборотов описывались в грамматиках и риториках XVIII в. скупно и практически исключительно на материале высоких жанров¹.

Нельзя отбрасывать и того обстоятельства, что именно церковнославянский язык мог импонировать эстетическому вкусу Т. В. Баландина как сообщающий русскому великолепные «богатство, разум, силу, красоту» [15, 156] и что «Беседы» были написаны уже после Отечественной войны 1812 года, пробудившей интерес русских писателей к отечественной истории, к идеям народности»² и укрепления российской государственности на национальных началах.

«Петрозаводские северные вечерние беседы...», вобравшие в себя жанровые признаки исторического сочинения, художественного и мемуарно-автобиографического повествования, жития, «похвального слова» и деловой записки, предстают в контексте развития отечественной науки, литературы и публицистики начала XIX столетия самобытной иллюстрацией многих речевых и стилистических процессов, протекавших в недрах российской словесности³ в эпоху ожесточенных споров представителей «старого» и «нового слога» о судьбах книжно-письменного русского языка.

Литература

1. Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2016. 384 с
2. Виноградов В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. 388 с.
3. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. Москва: Языки русской культуры, 1996. 590 с.

правописания от Петра Великого доньше» (1873 г.) и пособие «Русское правописание» (1885 г.). Примеры ошибочных написаний и отсутствие единообразия в постановке букв (например, в глагольных формах на –тся и –ться) в рукописи Т. В. Баландина – свидетельство царившего в ту эпоху орфографического и грамматического разнобоя.

¹ См. подробнее: [5].

² Не случайно вопрос о необходимости сохранения церковнославянского языкового наследия связывался у Шишкова с проблемой культурно-исторической самобытности, а «карамзинская реформа представлялась ему разрывом с национальным началом, шагом на пути к гибели русской культуры» [3, 444].

³ По словам Б. А. Успенского, «...эволюция русского литературного языка в послепетровский период предстает не в виде последовательного процесса русификации (постепенного отказа от церковнославянского языкового наследия), идущего по прямой линии, а в виде чередующихся колебаний между полюсами, ассоциирующимися со «славенской» и «русской» языковыми стихиями...» [14, 199].

4. Ломоносов М. В. Избранная проза. Москва: Сов. Россия, 1986. 541 с.
5. Патроева Н. В. Лингвистическая полемика XVIII-начала XIX вв. и состояние синтаксической теории в грамматиках эпохи реформирования русского литературного языка // Новое в современной филологии: материалы межд. науч. конференции. Москва: Спутник+, 2012. С. 96–101.
6. Пашков А. М., Пигин А. В. Предисловие // Тихон Васильевич Баландин. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2016. С. 3–34.
7. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 304 с.
8. Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 446 с.
9. Пашков А. М. Историческое краеведение Русского Севера в контексте развития российской историографии и культуры конца XVIII – начала XX в. // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 17. С. 191–200.
10. Петров К. М. Провинциальные статистики и писатели // Северный вестник. 1887. № 4. С. 84–85.
11. Рудакова С. В. Проблема системных отношений в литературе (к вопросу о методологии анализа литературного произведения) // Альманах мировой науки. 2015. № 2-2 (2). С. 9–13.
12. Словарь Академии Российской: в 6 ч. Ч. I. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1789. 685с.
13. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд: в 5 вып. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1994. Вып. 1. 512с.
14. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и её исторические корни. Москва: Изд-во Московского университета, 1985. 215 с.
15. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Санкт-Петербург: В медицинской тип., 1813. 437 с.

REFERENCES

1. Balandin T.V. «Petrozavodskie severnye vechernie besedy» i drugie sochinenija i pis'ma [Petrozavodsk Northern Evening Conversations and Other Works and Letters]. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2016. 384 p.

H. B. Памроева

2. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy: Jazyk i stil' russkikh pisatelej. Ot Karamzina do Gogolja. [Selected works: Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol] – Moscow: Nauka, 1990. 388 p.
3. Zhivov V. M. Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and culture in Russia of the eighteenth century]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 590 p.
4. Lomonosov M. V. Izbrannaja proza [Selected prose]. Moscow: Sov. Rossija, 1986. 541 p.
5. Patroeva N.V. Lingvisticheskaia polemika XVIII-nachala XIX vv. i sostojanie sintaksicheskoj teorii v grammatikah jepohi reformirovanija russkogo literaturnogo jazyka [Linguistic polemic of the 18th-early 19th centuries and the state of syntactic theory in grammars of the era of reforming the Russian literary language] // Novoe v sovremennoj filologii: materialy mezhd. nauch. Konferencii [New in modern philology: materials of int. scientific conferences]. Moscow: Sputnik+, 2012. Pp. 96–101.
6. Pashkov A. M., Pigin A. V. Predislovie [Foreword] // Tihon Vasil'evich Balandin. "Petrozavodskie severnye večernie besedy" i drugie sochinenija i pis'ma [Petrozavodsk Northern Evening Conversations and Other Works and Letters] Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2016. Pp. 3–34.
7. Pashkov A. M. Gornozavodskoe kraevedenie Karelii konca XVIII – nachala XX veka [Gornozavodsky local history of Karelia at the end of the 18th – beginning of the 20th century]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU 2007. 304 p.
8. Pashkov A. M. Karel'skie prosvetiteli i kraevedy XIX – nachala XX veka [Karelian educators and local historians of the 19th – early 20th centuries]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2010. 446 p.
9. Pashkov A. M. Istoricheskoe kraevedenie Russkogo Severa v kontekste razvitija rossijskoj istoriografii i kul'tury konca XVIII – nachala XX v. [The historical study of local lore of the Russian North in the context of the development of Russian historiography and culture of the late XVIII – early XX century] // Vestnik RGGU. Ser. Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. History. Philology. Culturology. Oriental studies]. 2009. № 17. Pp. 191–200.
10. Petrov K. M. Provincial'nye statistiki i pisateli [Provincial statistics and writers] // Severnyj vestnik [North Herald]. 1887. № 4. Pp. 84–85.
11. Rudakova S.V. Problema sistemnyh otnoshenij v literature (k voprosu o metodologii analiza literaturnogo proizvedenija) [The problem of systemic relations in literature (on the question of the methodology of analysis of a literary work)] // Al'manah mirovoj nauki [Almanac of world science]. 2015. № 2–2 (2). Pp. 9–13.

12. Slovar' Akademii Rossijskoj: v 6 ch. Ch. I. [Dictionary of the Russian Academy: in 6 parts. Part one] SPb.: Pri Imperatorskoj Akademii Nauk, 1789. 685 p.

13. Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas] / ch. ed. A. S. Gerd: v 5 vyp. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1994. Vyp. 1. 512 p.

14. Uspenskij B. A. Iz istorii russkogo literaturnogo jazyka XVIII – nachala XIX veka. Jazykovaja programma Karamzina i ee istoricheskie korni [From the history of the Russian literary language of the XVIII – early XIX century. Karamzin's language program and its historical roots]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1985. 215 p.

15. Shishkov A. S. Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossijskogo jazyka [. Reasoning about the old and new syllable of the Russian language]. Sankt-Petersbourg: V medicinskoj tip., 1813. 437 p.

T. V. BALANDIN'S «PETROZAVODSK NORTHERN EVENING CONVERSATIONS ...» IN THE MIRROR OF THE LINGUISTIC DISCUSSIONS OF THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY ABOUT THE “OLD” AND “NEW SYLOGUE OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

Natalia V. Patroeva

Doctor of Philology, Professor,
Head of Russian Language Department
Petrozavodsk State University
(Republic of Karelia, Russian Federation)

Abstract

Tikhon Vasilievich Balandin (circa 1748–1830) – a Karelian local history writer, the author of essays on the history of Petrozavodsk, Olonets, the palaces of Peter I at the Petrovsky Plant and Martsialnye Vody, poems in honor of G. R. Derzhavin, life story about St. Faddeus of Petrozavodsk and other works. The article discusses some of the features of the speech and stylistic manner of T. V. Balandin, reflected in his essay "Petrozavodsk Northern Evening Conversations ..." (1814). The novelty and relevance of the study is due to the lack of special works devoted to the style of Russian historical prose of the era of the formation of stylistic and grammatical norms of the modern Russian literary language. "Petrozavodsk Northern Evening Conversations ..." reflects the influence of the official business style on the language of historical literature, as well as the style of M. V Lomonosov. In the analysis of the speech tissue of the Balandin's text, descriptive, comparative and inductive research methods are used.

The work of T. V. Balandin demonstrates the extreme complexity of the syntactic structure, cumbersome constructions used in abundance,

Н. В. Патроева

departmental terms, traditional book archaic clerical words and expressions that are a far cry from that lively folk speech, grammatical and lexical old orthodox, syntactic gallicisms (for example, absolute isolated participle and adverbial participle constructions), Latinisms, the instability of spelling and punctuation norms, the absence of their strict codification. “Petrozavodsk Northern Evening Conversations ...” testifies to the importance of studying the processes of the formation of Russian historical prose, the style of provincial local history writers for expanding scientific ideas about the trends that took place in the bowels of the speech system of Pushkin era, about the difficult way to develop common norms for a common literary language within its different genres and stylistic varieties.

Keywords: style of historical prose, history of the Russian literary language, Gallicism, Old Slavonic words, local history, grammatical norm, spelling norm

Для цитирования: Патроева Н. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы...» Т. В. Баландина в зеркале лингвистической полемики начала XIX столетия о «старом» и «новом слоге русского языка» // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 100–116.

Поступила в редакцию 24.06.2020